Автор: Краснова А. (Россия)

Категория вины, как и категория тревоги, порождает в психологии и психотерапии, по моим наблюдениям, много путаницы и мифов. В психологии нет четкой ясности, о чем говорят и пишут, когда говорят и пишут о вине: то вина — эмоция, то — чувство, то — состояние. В психотерапии чаще всего вина расценивается как нечто негативное и от нее клиентов принято избавлять.

Проблема вины волнует очень многих — с нею сталкиваются все люди, более или менее остро в определенные периоды своей жизни. В моей жизни проблема вины одно время была чрезвычайно актуальна и побудила ко многим размышлениям и исследованиям в этом направлении.

Вина как эмоция, как чувство, как состояние

Для начала мне стало в принципе интересно разобраться, что же такое вина — психологическое образование мне в помощь. Путаница с определением вины, на мой взгляд, оказывается закономерна, ибо ее можно определить и как эмоцию, и как чувство, и как состояние. В академической психологии принято эмоции от чувств отличать лишь по времени актуальности, то есть по длительности и интенсивности.

Понятие же состояние обозначает нечто присутствующее в сознании человека и не только затрагивающее эмоциональную сферу, но и влияющее на мысли, поведение, отношения человека и на его жизнь в целом.

Можно сказать, что если она проявляется в нашей жизни как эмоция, то мы испытываем вину ситуативно, она вызвана какой-то ситуацией или событием. Эмоция вины в этом случае уходит достаточно быстро вместе с разрешением создавшейся ситуации. Как правило, это те ситуации, где мы можем обойтись простым извинением. Чувство вины возникает тогда, когда возникшая ситуация сложна, она влечет за собой длительные тяжелые последствия и далеко не так проста в разрешении, требует усилий для этого. Чувство вины длится столько, сколько нужно для разрешения катализировавшей его ситуации, и оно может так и остаться актуальным, если разрешения не находит — например, когда ситуация привела к необратимым последствиям.

Эмоция вины, как и чувство вины, бывает перед кем-то конкретным, кому мы вольно или невольно причинили зло. Эта вина, как правило, всегда определенна, ее влекут наши поступки, и она побуждает нас обдумывать случившееся, приносить извинения, совершать какие-то действия по ликвидации последствий — иными словами, «заглаживать вину».

Пока все просто и понятно. Трудности с виной у нас возникают тогда, когда вина неразрешима, когда последствия нашей ошибки необратимы. Вина как будто «застревает» сама в себе, замыкается на событии, так как не имеет возможности выхода. Каждый, кто в своей жизни побывал предателем, я думаю, понимает, о чем я говорю. Особенно, когда прощение так и не было получено — человек, который был нами предан, ушел из жизни или разорвал с нами отношения (тоже своеобразная смерть, не так ли?). В моей жизни я впервые столкнулась с чувством вины, именно когда мне довелось стать предателем своей лучшей подруги, причем она не смогла меня

простить и разорвала со мной отношения навсегда. После этого события моей юности я многие годы испытывала чувство вины.

Обрывки писем на дороге,

Тихий дождь.

На спине моей ожоги

Выжгла ложь.

Я тебе писала, помнишь?

Не всерьёз.

Я тебе шептала повесть

Робких грёз.

О тебе мечтать боялась

Я, стыдясь.

Я пред тобой не постеснялась

Низко пасть.

И вот теперь — обрывки писем,

Тихий дождь...

Не верь словам моим и мыслям,

Ведь ты же знаешь,

Ты же знаешь –

это ложь.

Чувство вины, если оно достаточно глубоко, адресно и имеет под собой конкретный проступок, всегда мучительно ищет выхода, и не может успокоиться, пока этот выход не найдет, то есть не разрешится прощением, покаянием или искуплением. Однако даже если оно длится годами, оно не становится перманентным состоянием. Вина как состояние в целом соответствует бытующему в психологии описанию невротической вины. В этом случае вина не имеет под собой конкретного проступка — то, за что человек чувствует себя виноватым, никак не входит и даже теоретически не может входить в зону его ответственности. И эта вина, как правило, не является виной перед конкретным человеком — границы ее адресности размываются, человек чувствует себя виноватым «вообще». Невротическая вина, соответственно, длится столько, сколько

длится само невротическое состояние; оно выхода не имеет и не может иметь, так как оно диктуется не конкретным проступком, а внутренней болезнью души, является как бы симптомом этой болезни.

Одна моя близкая подруга много лет назад переживала такую невротическую вину. Она внутренне чувствовала себя ужасным человеком, чудовищем, моральным уродом. Хотя реальных причин такому ощущению не было, она всячески искала эти причины — топила себя в чувстве вины даже за незначительные проступки. Например, ей казалось, что за то, что она кого-то обидела, недостаточно попросить прощения и его получить — за это она достойна смерти, ни больше ни меньше. Причем чувство вины преследовало ее постоянно: она чувствовала, будто лично виновата в том, что в Африке голодают дети, в том, что ветераны войны и пенсионеры влачат жалкое существование, в том, что развелись родители, и, главное, в том, что задолго до ее появления у мамы родилась мертвая девочка. Ей казалось, что она будто бы живет за счет этой мертвой девочки, и от этого чувствовала себя еще большим чудовищем — вором чужой жизни и чуть ли не убийцей. Это чувство вины спровоцировало в ней не одну попытку самоубийства, оно разрушало ее изнутри, и этот невроз привел к тому, что она практически не могла жить нормальной социальной жизнью — учиться, работать, общаться с друзьями. К счастью, несколько лет лечения у психотерапевта закончились ее исцелением от этого тяжелого невроза. Вместе с неврозом ушло и чувство вины — развеялась иллюзия того, что она была как-то причастна к гибели своей сестры, а также иллюзия того, что ей нельзя ошибаться и что ее ошибки являются чем-то непоправимым.

Перманентное состояние вины, таким образом, является одним из симптомов возможного невротического расстройства или, во всяком случае, является свидетельством того, что в сознании человека существуют иллюзии, которые продуцируют и культивируют вину.

Среди моих клиентов я часто наблюдаю картину невротических состояний, когда люди чувствуют вину за само свое существование — то есть они боятся быть самими собой, потому что им кажется, что такие, какие есть, они плохи. За этим чувством стоит как бы априорная вина: вина быть самим собой, испытывать различные чувства, выражать свое суждение, желать чего-либо, что-либо иметь и т.д. Это очень тягостное чувство, оно невротично по своей природе, хотя часто скрыто и не всегда осознается.

Еще один «лик» невротической вины — это вина, которая часто маскируется под реальную, так как имеет адресата, то есть вина эта ощущается как вина перед конкретным человеком. Однако в этой вине нет другого компонента — события, проступка. То есть часто это множество мелких неконкретных поступков, за которые человек перед кем-то испытывает вину, хотя реальной вины в них нет. Я имею ввиду такие отношения, в которых один человек испытывает перманентную вину по отношению к другому человеку, как если бы он постоянно был плох для другого. Это отношения невротические, часто зависимые, так как вина — это очень мощный фактор невротической привязанности. Здесь вина проявляется как состояние, как постоянно действующий фактор в отношениях.

«Порочные качели», или как мы убегаем от вины

Вина — очень тяжелое переживание. Есть такая поговорка: «чувство вины тяжелее горы». Оно ложится на сердце тяжелым грузом, который приходится нести, иногда очень длительное время. Человек, особенно привыкший жить по принципу удовольствия и расценивать все то, что причиняет ему дискомфорт, как нечто однозначно негативное, и потому естественным образом стремится от него избавиться. Чувство вины пугает нас: оно причиняет боль, не дает покоя, все время зудит внутри, а иногда оно так велико, что как будто стремится нас полностью раздавить.

Временами все усугубляется еще и тем, что человека, и без того испытывающего вину, осуждают другие. Я задумываюсь иногда, в чем же все-таки главный страх — быть виновным или быть осужденным? Сама по себе мысль о том, что будут осуждать, так пугает, что уже одно это может стать фактором убегания от вины. Признавать вину часто тяжело, но куда тяжелее бывает принимать обвинения.

Мой путь похож на песнь нслепого странника

О солнце, что увидеть не дано.

А мир безумный опытным карманником

Вновь сердца моего нашарит дно.

Когтистой лапой будто бы нечаянно

По сердцу он небрежно поскребёт,

Напомнит, что не все счета оплачены,

И песнь слепца безумной назовёт.

Но песня та душою напевается,

И, хоть навеки безнадёжна мгла,

Усталой кожей солнце осязается

И сердцем раненным, но зрячим без зрачка.

Не все счета мои ещё оплаканы,

И мир всё нового отыскивает дна...

В моей суме нарочно дыры не заплатаны

Слепого человечьего суда.

Вот так исследуешь себя и свою жизнь, разделяешь путь со своими ближними и видишь, что боль виновности и осужденности часто заставляет нас бежать, и бежать, что называется, без оглядки. Как правило, людям свойственны две крайние формы убегания от вины, которые я называю «порочными качелями», потому что наблюдается отклонение то в одну, то в другую сторону, иногда даже у одного и того же человека в разное время. Эти две крайности — явление довольно частое среди клиентов, так что с этим приходится работать и в психотерапии.

Одна крайность «убегания», довольно естественная и очевидная — это непризнание вины, «запрятывание» ее, даже от самого себя, поиск различных самооправданий и, в конце концов, отказ от вины. Человек в этом случае избегает даже разговоров о вине, и если столкнуть его «лбом» с ситуацией или человеком, где он чувствует вину, он, скорее всего, довольно агрессивно и напористо будет приводить целую кучу доводов, достаточно веских, чтобы оправдаться. Иными словами, он будет защищать свою невиновность даже перед самим собой. Одна моя знакомая, у которой уже взрослые дети, столкнулась с ситуацией, когда ее сын, много лет влача за собой свои детские обиды и претензии к матери, в какой-то момент вообще разругался с ней и перестал с ней общаться. Несмотря на то, что эта ситуация длится уже много лет, по-прежнему всегда, когда разговор заходит о ее ответственности перед сыном, о возможных ее ошибках в отношениях с ним, об обидах, которые предположительно были ему нанесены ее поведением, она возмущенно начинает говорить о его неблагодарности, о том, в чем он неправ и в чем он плох, как он ее обидел и т.д. Но никогда она не говорит и даже не допускает мысли о том, в чем она виновата перед ним; она упорно считает себя хорошей матерью, которая дала ему все, всем обеспечила и правильно его воспитывала. Так происходит постоянный отказ от своей вины, и при этом вина взваливается на другого. В отношениях конфликта это довольно частое и закономерное явление, механизм его достаточно прост. Если виноват не я, а отношения испорчены, то виновата другая сторона. При этом собственная правота, получается, ставится выше отношений, она является как бы большей ценностью, чем ценность отношений, поскольку ради того, чтобы чувствовать себя правым, человек готов разорвать эти отношения.

К. Изард, один из исследователей вины в психологии, отмечает, что решающим фактором, заставляющим людей переживать вину и искать ее искупления, является именно страх потерять ценные отношения (Изард, с. 268). Чем дороже нам человек, тем острее мы чувствуем вину перед ним, если совершили по отношению к нему проступок, тем меньше вероятности, что мы станем избегать вины или ее прятать, потому как она не даст нам покоя, пока близость не будет восстановлена.

Другая крайность «порочных качелей» — это, наоборот, постоянное признание за собой вины. Мы говорили ранее о том, что человек, бывает, чувствует в болезненной привязанности постоянную вину за собой, но это совершенно иная ситуация. Здесь человек признает вину лишь на словах: «Да, я виноват, вот такой я плохой, не общайтесь со мной». Внутренне же он избегает вины таким образом. Вроде как он сознался; какие к нему могут быть претензии — он же не оправдывается. Однако это лишь видимость, вина не проживается им по-настоящему, а эти признания — отмашка от обвинений. И чаще всего это происходит именно в ситуации обвинения, то есть защищается человек не столько от внутреннего чувства вины, сколько от того, что обвинения других он расценивает как угрозу для себя. И, как правило, сам факт того, что человек именно так защищается, говорит о том, что подспудно он действительно испытывает чувство вины, однако оно слишком его пугает и он не хочет к нему прикасаться.

Одна моя клиентка, молодая девушка, во время ссор с матерью (когда мать пыталась ее поучать и наставлять), начинала впадать в истерику и кричать: «Вот, я все время перед тобой виновата, что же ты меня до сих пор не выгонишь? Давай, выгони меня, я плохая, я дурная, я все время не такая...» При этом вся эта тирада выдавалась со злостью, даже с яростью. Определенная невротизированность здесь, конечно же, была, но главное было то, что она воспринимала мать и ее поучения как угрозу своей свободе, и поэтому, не испытывая реально вину перед матерью, напротив, считая ее виноватой в конфликтах, она таким образам все время защищалась от этой ситуации. Причем бывает (как, например, было и в этой ситуации), что человеку слова критики лишь кажутся обвинениями, в действительности таковыми они не являются. Но вместо того, чтобы начать разбираться, человек защищается, мнимо признавая вину, и подлинного диалога не происходит. Вот в данном случае мать своими поучениями пыталась проявить заботу и беспокойство о дочери, что так и не было услышано.

Действительно, для того, чтобы позволить себе переживать вину, нужны мужество и смелость. Бегство всегда кажется более простым решением, хотя в итоге оно чаще всего дает обратный эффект, ведь жизнь постоянно сталкивает нас с «невыученным уроком» в надежде, что рано или поздно мы образумимся. И, видимо, все-таки лучше раньше, чем позже...

«Угрызения» вины и тихий зов совести

Мне кажется немного странным выражение «угрызения совести». Или модное сейчас выражение, часто встречающееся в интернете: «совесть — как хомяк: или спит, или грызет». За этими выражениями стоит бытующий миф о том, что совесть может кого-то «грызть».

«Грызет» человека обычно вина, но это не то же самое, что совесть. Кстати, это один из главных уроков, которые я получила для себя через исследование своего чувства вины. Одно из главнейших и важнейших назначений чувства вины — пробудить совесть. Вина угнетает, давит, причиняет боль, мучает, она всячески подсказывает нам, что мы совершили ошибку, причинили кому-то страдания. Она учит нас тому, как поступать неправильно. Но она не учит тому, как поступать правильно — это подсказывает совесть. Если она пробуждается в человеке благодаря чувству вины, то она не мучает уже, не угнетает и не давит, а даже наоборот — приносит облегчение — подсказывает, как ошибка может быть исправлена, а вина искуплена. Она приносит надежду на то, что эта ошибка больше никогда не будет нами повторена, ибо мы уже ходили этой тропой и знаем здесь все «придорожные камешки». В моем случае именно так и было: когда моя подруга так и не простила мне мое предательство, я много лет мучилась, переживая свою вину, которая не могла никак найти выхода. Я чувствовала ее как рану, которой никак не давала зажить эта непоправимость последствий моего проступка. Так было до тех пор, пока я в какой-то момент не осознала, что я, несмотря на эти обстоятельства, все-таки могу как-то искупить свою вину. Это случилось тогда, когда в моей жизни возникли новые дружеские отношения, и я почувствовала, что здесь, в этой новой дружбе, я должна действовать по-другому, строить их по-другому, чтобы никогда не повторилось то, что было в тех, разрушенных из-за меня отношениях. И я теперь знаю, что больше никогда не поступлю так, как тогда, и уже знаю, как поступать по-другому. Моя вина и пробужденная ею совесть подсказали мне все это.

Удивительно глубоко о совести писал М. Хайдеггер. Он определял совесть как зов, призыв человека к самому себе, к своей подлинности. В этом смысле совесть всегда глубоко личностна, она ведет человека к пониманию, к прочувствованию своего собственного осуществления бытия в мире. Поэтому совесть — это зов заботы для Хайдеггера, который говорит молчанием, то есть его можно услышать в тишине, в глубине подлинного человеческого Я. Она всегда призывает человека в даль — то есть за пределы его наличного существования, как бы за пределы самого себя в мире, туда, где есть другие, забытые им возможности осуществления своей подлинности.

Как это понимание совести соотносится с виной? Для Хайдеггера существует дилемма между виной как *провинностью*, то есть такой, которая существует в социальной жизни людей, не касаясь их духовной сущности, и виной в смысле бытия-виновным, через которое человек становится способным к слышанию призыва совести. В этом смысле вина и совесть всегда в одной связке, и человек осуществляет выбор в самом себе — человек имеет свободу быть виновным настолько, насколько он готов быть призванным совестью: «Воля-иметь-совесть так же далеко отстоит от розыска фактических провинностей, как от тенденции к освобождению от вины в смысле сущностного «виновен». Воля-иметь-совесть есть, наоборот, исходнейшая экзистентная предпосылка для возможности стать фактически виновным. Понимая зов, присутствие дает наиболее своей самости поступать в себе из своей выбранной способности быть. Лишь так оно может быть ответственным» (Хайдеггер, с. 288). Иными словами, когда человек готов услышать из глубины души взывающий к нему голос совести, он лишь тогда способен быть подлинно виновным. Но и тогда ему открывается понимание своего подлинного бытия (возможность становления самим собой), свобода и ответственность.

Получается, что не столько вина ведет к совести, сколько способность слышать совесть делает человека способным к переживанию вины. Кажущееся противоречие тому, что я писала выше о том, что именно вина ведет к совести, легко разрешимо следующим соображением: мы сталкиваемся с собственными ошибками не-ждан-но для самих себя (совершаем «провинность», по Хайдеггеру); переживая их последствия, мы мучаемся

виной (однако это еще не подлинная вина, потому как в ней нет свободы), но вместе с тем это открывает возможность для слышания голоса совести как призыва; услышав этот зов, мы становимся призванными (нас позвала совесть) и вместе с тем получаем свободу быть виновными, которая означает вместе с тем ответственность за бытие самим собой. Таким образом, **совесть не избавляет человека от вины, а делает ее качественно иной — она делает всего человека иным через его виновность.**

Здесь важно отметить то, что существует такой феномен, как вина перед самим собой. Чаще всего люди испытывают такую вину, когда они, по выражению Хайдеггера, потеряны в мире людей и отказываются от своего подлинного Я, чувствуя пустоту, тоску и собственную бесплодность. Ведь в суете мы часто предаем себя, строим свою жизнь в соответствии с внешним, забывая о внутреннем, о своем предназначении и о том, кто мы есть на самом деле.

Сижу одна, словно в камере.

Сижу под видом узницы.

Письма пишу в концы разные,

И мысли стучат, словно в кузнице.

А мысли в замёрзшем стремлении,

И чувства в замёрзшем смятении,

А сердце... Что сердцу прикажете,

Коль разум в роли приказчика?

И будто бы всё по накатанной,

И будто бы всё, как положено,

А я как будто бы связана

Собственной «не»-возможностью!

И собственной «не»-занятностью,

И собственной «не»-заметностью.

Решётка, на «не» похожая,

Сама лишь себе союзница.

Эта форма вины очень тесно связана с совестью, при глубоком внутреннем внимании к самому себе способна вывести человека на зов совести, которая в своем молчаливом «говорении» как раз призывает человека к его собственным внутренним потенциям к подлинности.

Поэтому я убеждена, что вину необходимо исследовать, когда мы сталкиваемся с нею в своей душе. Главная ключевая разница между подлинной виной и виной невротической кроется в том, что подлинная вина всегда находится в одной связке с совестью. Совесть, пробуждаемая этой виной, делает эту же вину свободной и значит ответственной, открывает новые возможности на пути к осуществлению подлинного Я. Невротическая же вина с совестью никак не связана, через нее совесть невозможно услышать — она есть обман, самообман человека, который ничего от нее не получает, кроме страданий. Более того, невротическая вина при ее детальном исследовании как бы воспроизводит саму себя в «тупой бесконечности» — она ходит по замкнутому кругу, где за одной виной тут же встает другая вина, и так постоянно. Оказывается, что человек бесконечно виновен, и выхода из этого замкнутого круга просто нет. Корни такой вины, как мы уже поняли, лежат в неврозе, и, соответственно, исцелять нужно человека не от вины, а от невроза, который в каждом случае индивидуален, требует своего лекаря и своего лекарства.

Получается, что вина может быть равным образом глубочайшим самообманом и глубочайшим учителем подлинности. Принято вины бояться, ее избегать, от нее избавляться, укрывать ее, но все это является ошибкой — даже в случае с невротической виной ее исследование дает, как правило, ключ к пониманию всего невроза. В случае же, если вина подлинная, она может очень многому научить и открыть человеку совершенно иные способы бытия.

Метафизическая вина, или к чему человечность призывает человечество

На мой взгляд, попытка избавить человечество от чувства вины, а вместе с ним и от совести, как будто «растворена в воздухе» современной культуры. И это отражается не только на всей психотерапевтической индустрии, где многие специалисты (особенно в области современных психоаналитических направлений и гештальт-терапии) признают чувство вины однозначно вредоносным для психики. Сами особенности современной культуры, которую философы называют культурой постмодерна, таковы, что в ней основной ценностью является индивидуализм — то есть провозглашается, что мир для человека, а не человек для мира, а значит, основной его задачей является потреблять мир, использовать его для своих потребностей и в свое удовольствие, ни о чем никогда не сожалея.

Современные религиозные движения, особенно восточные, а также так называемые эзотерические школы чаще всего видят в чувстве вины опасность не только для психики, но и для физического здоровья — от них часто можно услышать расхожее представление, что чувство вины провоцирует рак. Современный культ успеха со своей стороны также поддерживает это всеобщее неприятие вины и совести, ведь многим они мешают продвигаться по пути успешного человека, и поэтому люди с этими чувствами достаточно легко расстаются.

Этот забывчивый город

Живёт своей жизнью сонной —

Не помнит своих героев,

За глупой гоняясь модой.

А где-то в пустой подворотне

Кормит голодная кошка

Своих слепых котят...

Неведома этой природе

Вся глупость людской породы,

Что ради капризной моды

Совесть готова продать.

Испытывать вину и иметь совесть сейчас, так сказать, не модно. Однако самим развитием человеческой цивилизации люди во многом обязаны именно чувству вины. М. Мид, известная исследовательница различных культур, отмечала, что чувство вины присутствует во всех культурах и, более того, является одним из базовых условий выживания человека как вида. Это справедливо для такой метафизической вины, которая отражает способность человека быть причастным человеческой культуре: «Надо полагать, такая вина, такое осознание своего пожизненного долга перед жизнью, долга, который может быть искуплен только готовностью жить до конца, столь глубоко и прочно укоренены в природе человеческого существа, живущего в культуре, что они всегда будут главной человеческой силой его духовных устремлений и

гарантией его человечности» (цит. по: Изард, с. 274).

Вина как социальное явление, таким образом, во многом является источником морально-нравственных норм. Оно поддерживает в обществе определенные рамки, которые люди впитывают, живя в культуре. И здесь речь идет все-таки о вине, о метафизической вине (существующей сверх человеческой природы), если можно так выразиться, а не о совести.

Ранее я приводила мысль М. Хайдеггера о том, что совесть всегда своя, она не может быть продиктована извне, но всегда слышится в глубине человеческого духа. Получается, что совесть — это явление духовного порядка. Похожее представление о совести есть и в христианстве, где совесть понимается как глас искры Божьей, которая живет в человеке и подсказывает ему истину, если он отступает от праведного пути. Со временем, однако, стала происходить некоторая путаница, подмена понятий, и под совестью стали понимать то самобичевание, то простое восприятие на себя религиозных норм и правил, то усвоение человеком правильного морального воспитания и исполнение им условностей (нечто подобное отражено в психологическом понятии интроекции). Иными словами, совесть стала пониматься как некое социально-психологическое явление. Представляется, что таким образом понимание совести сильно сузилось, стало серьезно ограниченным.

Что же касается метафизической вины, то за ней, как мне кажется, стоит то, что нас объединяет как людей. Это не просто усвоенные нами морально-нравственные нормы, о которых мы негласно договорились, но нечто более глубокое, что заложено в нашей природе. Р. Мэй определял вину как ощущение разрыва между тем, как есть, и тем, как должно быть. Оно возникает всегда, когда в человеке присутствует глубокое эмоциональное напряжение, когда обостряются внутренние противоречия, присущие вообще человеческой природе, когда у человека возникают глубокие творческие и

религиозные переживания (Мэй, с. 69-74). То есть чувство вины является не только обязательным и необходимым элементом человеческой природы, но и является, по Р. Мэю, конструктивным эмоциональным переживанием, которое человеку надо уметь использовать для своего развития.

Свидетельств этому объединяющему нас чувству много. Это чувство вины, которое некоторые благополучные люди испытывают при виде калек, просящих милостыню; это чувство вины солдата, который вернулся с войны целым и невредимым, когда многие его сверстники, товарищи или просто незнакомые ребята, не вернулись; это чувство вины выживших в авиакатастрофах, осознающих, что они случайно остались живы, в то время как такие же, как они, сидевшие рядом пассажиры, погибли; это чувство вины, которое испытывают некоторые люди, посещающие детские дома, при общении с брошенными и осиротевшими детьми. И это не жалость, нет. Жалость сразу отмечает разрыв между тем, кто жалеет, и тем, кого жалеют. Вина же, наоборот, объединяет — она размыкает человека в его изолированности, она обнажает пропасть между наличным и должным и сокращает ее чувством со-причастности другому. Эта вина диктуется нам человечностью, которая позволяет нам оставаться людьми среди людей

Литература:

1. Изард К.Э. Психология эмоций – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.

2. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье / Пер. с англ. М. Будыниной, Г. Пимочкиной. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 256 с.

3. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Изд. 3-е, испр. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.